

ХРУСТАЛЬНЫЕ БАШМАЧКИ БАЛЕТА

ПЕРЕДО мной — две маленькие балетные туфельки, пуанты, обтянутые розовым атласом. Их оставила не Золушка из старой сказки, а балерина, танцевавшая в них... Бал закончился. О нем остались только благодарные зрительские воспоминания и эти маленькие атласные пуанты. Это не тот хрустальный золушкин башмачок, похожий на драгоценную безделушку — это туфельки с растерзанными носками (покрутись на них подряд три часа!). Пуанты Надежды Павловой — будничная обувь вечного праздника искусства, проза поэтичнейшего труда.

Она впервые встала на пуанты в Пермском хореографическом училище. Кажется, что все уже давно позади, хотя прошло совсем немного времени с незабываемых дней Второго международного конкурса артистов балета. Оглушительное «браво», скандирование зала, бесчисленные фотографии на первых страницах газет и популярных журналов, и, наконец, решение жюри о присуждении (до сих пор пока ей единственной) «Гран При» конкурса. Все это прошло.

И кажется, что начинается самое трудное. Нет, началось все это тринадцать лет назад, когда юная Надя Павлова приехала из Чебоксар в Пермское хореографическое училище, и продолжается по сей день — завоевание новых подступов к вершинам труднейшего искусства.

Владимир Васильев написал о ней: «Маленькая, почти девочка. Личико приятное, длинные худенькие руки, тонкая шейка. Глаза живые, очень выразительные. Обаятельная улыбка, брови «домиком», отчего вся она кажется робкой, застенчивой, и вместе с тем — внутренняя собранность, придающая уверенность движениям. Одухотворенность во всем. Хорошо чувствует музыку, как бы поет ее телом, танцует душой...»

Три года назад Надя впервые выступила на сцене Большого театра (теперь ее театр) в главной партии в балете Адана «Жизель», и вот недавно в этой партии ее увидели горьковчане. В партии Альберта в спектакле Горьковского театра оперы и балета имени А. С. Пушкина предстал Вячеслав Гордеев.

Вот она выбегает на сцену — головка, причесанная на прямой пробор, ромашки в волосах. Она и Альберт играют, как дети. Знаменитая сцена гадания... И чуть не в слезы, когда получает от ромашки ответ «не любит», и такая же чуть не до слез радость, что ошиблась — любит! Любит! Радость эта непосредственна до того, что кажется одинаковой и оттого, что ее любит Альберт, и оттого, что Батильда подарила ей бусы.

Второй акт. Пока весь шабаш виллис свершается без нее. Она еще там... Удивительно выстроенные хореографом хоры, заданные и холодные, эти жуткие танцы виллис не устают поражать ваше воображение.

Она появляется на сцене, как эфемерное создание с маленькими прозрачными крылышками, как у эльфа на поясе.

И щемящие звуки в оркестре, когда она, Жизель — Надежда, танцует свой монолог в защиту любимого, обращенный к неутомимой повелительнице виллис Мирте...

...На сцене еще никого нет. Одиноко бродит рабочий, что-то переставляя, но и он уходит. Она остается одна, выполняет несколько движений. Еще и еще...

Прошло время умилений («Павлова — ребенок», «Павлова — девочка», «Павлова — юная»). Вот она, жестокая проза балета: никого нет, а ты делай эти бесконечные балансы и экарты, взявшись

за какую-то трубу у левой кулисы!

Время и труд, актерский опыт и бесконечная любовь к танцу делают из нее балерину. В Большом театре она уже станцевала Геро в «Любовью за любовь» Хренникова, Китри в «Дон Кихоте» Минкуса, Фригию в хачатуряновском «Спартаке», Аврору в «Спящей красавице» Чайковского...

И какое счастье, — воскликнул недавно заслуженный артист РСФСР А. Варламов, — что Надежду Павлову взяла «на воспитание» Марина Тимофеевна Семенова! Очень тонко, по-человечески чутко, постепенно, но необратимо Марина Тимофеевна переводила Надю в русло других творческих задач, в русло искусства балета Большого театра!

И вот Фригия в «Спартаке». Это не драматизм, не трагедийность Максимовой и Бессмертной. Это нечто другое — пусть более хрупкое, тонкое, пронзительно-нежное, щемящее сердце своей тончайшей лирикой.

«Дон Кихот» был одним из лучших спектаклей Павловой в Пермском театре оперы и балета. На горьковской сцене мы увидели большое классическое па из этого балета, увидели свободную, лишенную всякого физического напряжения, линию танца. Гибкая, легкая, красивая линия эта также естественна у Нади, как живое дыхание.

Блестяще исполняемый Гордеевым большой пируэт отличается легкостью и радостью бытия.

Оба они соединяют в себе

жизнелюбие, оптимизм, ощущение счастья любви и торжественности высокой классики танца...

Во время Третьего международного конкурса артистов балета это па-де-де было показано разными исполнителями несколько раз. Выступления обсуждались на теоретической конференции в Бетховенском зале Большого театра. Сидевшая и долго молчавшая известная в прошлом балерина Татьяна Вечеслова не выдержала и начала разговор: «Для меня выразительность в любом искусстве — основная задача, не считая техники. Па-де-де из «Дон Кихота» — это же свадебный дуэт! Почему его принято демонстрировать как голую технику?»

У Павловой и Гордеева — тот самый случай, когда не «толая техника». Это поистине свадебный дуэт счастья.

В предновогоднем номере газеты Большого театра «Советский артист» появились ответы на вопросы анкеты, с которыми редакция обратилась к коллективу театра. На вопрос: «Что из сделанного в уходящем году вы считаете для себя главным?» народная артистка СССР Марина Семенова ответила: «Работа с Надеждой Павловой».

Так пусть же ученица будет достойна в будущем своего учителя. И пусть это будет нашим пожеланием и ей, и себе, и всем, кто любит искусство балета.

С. ЧУЯНОВ.

НА СНИМКЕ: Н. Павлова и В. Гордеев.

Фото Ю. ИВАНОВА.